
А. В. Дружинин

**Современные заметки.
Письма Иногородного Подписчика
в редакцию «Современника»
о русской журналистике. XXI
Отрывок**

Заговоривши о беллетристике, тороплюсь сказать, что могу, о повести г. Писемского «Тюфяк», ныне оконченной в 21 книжке «Москвитянина». Отозвавшись с похвалою об этом весьма приятном явлении, я и теперь остаюсь при своем мнении; а желая, чтоб дарование г. Писемского было знакомо как можно большему числу русских читателей, с особенным удовольствием посвящаю несколько страниц разбору его повести.

В одном небольшом городе проживает довольно бедное семейство Бешметевых, состоящее из больной старухи-матери, холостого сына (он-то и есть тюфяк) и замужней дочери, выданной за господина разбитного характера, немного приходящегося сродни Ноздреву. Молодой Бешметев неглуп, очень учен, мечтает о славе и ученых трудах; но он неловок, вял и совершенно не понимает практической жизни. В семействе его нет согласия, благодаря беспутной жизни разбитного Масурова и сплетням дальних родственников, из которых одна, Перепетуя Петровна, очерчена с большою ловкостью. Роль молодого Бешметева, как главы семейства, может быть очень полезна и почетна: он понимает, что ему или никому другому предстоит устроить дела, водворить мир и согласие, обуздать гуляку Масурова, пособить сестре защитить ее от разных дон-жуанов того края и наконец наотрез отказать от дома коварной Перепетуге. Но, чувствуя необходимость энергии, бедный тюфяк не знает, на что решиться, и вертится во все стороны, поддаваясь враждебной обстановке своего быта.

Спасовав один раз перед практическими интересами жизни, тюфяк делает новую глупость. Он врезывается по уши в хорошенькую и бойкую девушку, Юлию Владимировну и, не делая ничего в свою пользу, предоставляет хлопотать за себя судьбе и добрым людям. Сваха, без его ведома, устраивает дело. Родители Юлии, зная, что Бешметев имеет кое-какое состояние, уговаривают дочь за него выйти. Перед тюфяком новая жизнь, обещающая счастье. Конечно, Юлия не любит его; но она молода, не совсем испорчена дурным воспитанием: ее можно переделать, сблизиться с ней... Но тюфяк и остается тюфяком: он глуп и молчалив с своей невестой, и в день брака она не чувствует к нему ничего, кроме крайнего равнодушия.

Проходят месяцы. Бешметев влюблен в свою жену, но все-таки глуп до чрезвычайности. Ни твердости, ни плана поступкам, ни занимательности! Юлия от скуки начинает кокетничать с молодежью: тюфяк приходит в отчаяние, воображает, что все потеряно, увозит жену в деревню — и все-таки продолжает любить ее.

Еще один раз благосклонная судьба дает Бешметеву средство загладить прошлое и быть счастливым: он наедине с любимой женщиною, она огорчена, он может простить ее и вновь завоевать ее сердце. Но перед такими соображениями пасовали люди и попрacticalнее нашего героя; тюфяк же ведет себя как нельзя хуже:

находит удовольствие обижать дорогую ему женщину, и история оканчивается плачевнейшим образом.

Читатель видит, что психологическая сторона интриги прекрасна. Тюфяк — лицо чуть не типическое. Автор испортил его, придал ему излишнюю дозу неловкости, робости и запутанности, что дает Бешметеву вид типа давно избитого. Сколько я понимаю, характеру Павла следовало бы придать колорит пассивности, *laissez-faire*¹, той неловкости, той развитости в одну сторону, которая так портит жизнь умных людей и встречается у особ даже богатых, даже говорливых, даже ловко танцующих. Юлия чрезвычайно верна и привлекательна, несмотря на все слабые стороны. Множество второстепенных лиц, как то: отец Юлии, Перепетуя Петровна, Масуров, лакей Спиридон, француз Мишо, — отделаны безукоризненно; язык, которым говорят они, списан с натуры. Чтоб познакомить читателя с манерою автора и его рассказом, чуждым всякой изысканности, я приведу одно далеко не лучшее место в повести. Дело идет о французе Мишо.

Здесь я должен объяснить, что милосердая Катерина Михайловна в это время дала приют в своем обширном доме одному безместному французу-гувернеру, которого завез в эту глушь один соседний помещик за довольно дорогую плату, но через две же недели отказал ему, говоря, что м-г Мишо (имя гувернера) умеет только выезжать лошадей, но никак не учить детей. Почтенный отец семейства до того желал отделаться от наставника, что даже отказался от данных ему вперед трехсот целковых и просил только м-г Мишо убраться, куда ему угодно. Гувернер был в весьма затруднительном положении; у него не было ни копейки, и я не знаю, чем бы все это для него кончилось, если бы милосердая Катерина Михайловна, узнав о новой жертве, не послала к нему тотчас лошадей с приглашением приехать к ней. Француз, разумеется, не замедлил согласиться и, предоставя о будущем заботиться своей судьбе, приехал и поселился весьма комфортабельно в нижнем этаже дома своей покровительницы, прося ее беспрестанно занять где-нибудь, хотя напрокат, сынка или дочку, которых бы он, по его словам, удивительно воспитал. Проживая таким образом, он обыкновенно рассказывал различные комеражы, происходившие в доме почтенного, но выгнавшего его помещика. Старуха помирала со смеху, слушая рассказы своего милого француза, который был действительно мил. Имел ли он, собственно, достоинства воспитателя, я не знаю; по крайней мере, если их и имел, то тщательно скрывал таковые. Но зато он владел другими достоинствами, а именно: имел чисто французскую выразительную физиономию, был прекрасно одет, щегольски ездил верхом и мастерски стрелял, играл довольно недурно на фортепьяно, а главное — наделен был способностью болтать по целым дням на всевозможные тоны и навсистывать целые оперы, причем обыкновенно представлял оркестр, всех певцов и даже самый хор. По-русски м-г Мишо говорил чисто, что и заставляло думать, что вряд ли он и не родился в России; но, впрочем, сам он уверял, что произошел на свет на берегах Сены, и даже в Сен-Жерменском предместье, откуда для развлечения приехал в Россию и принялся образовывать юношество. Вот какого человека встретила Юлия в доме своей новой знакомой.

Старуха еще дорогой рассказала Бешметевой о своем милом жилье и, приехав, тотчас же познакомил их. Разговор сейчас завязался. М-г Мишо не замедлил пропеть комическим тоном несколько арий из «Лючии», представил оркестр из «Фра-Дьяволо», потом описал породу нормандских лошадей, описал также ужасное происшествие, постигшее один французский фрегат, попавший в плен к диким, и в заключение нарисовал карикатуру одного знакомого соседа. Юлии было невыразимо весело; она забыла свои неприятности, забыла мужа, смеялась и говорила беспрестанно. Милосердая хозяйка тоже покатывалась со смеху, слушая бесценного м-г Мишо, который не ограничился еще этим, но, перестроив себя на печальный лад, продекламировал несколько стихотворений из Виктора Гюго, причем, возведя очи к небу, вспомнил о своей невесте, будто бы два года тому назад умершей, и потом, расчувствовавшись, уселся за фортепьяно и проиграл две арии из Шуберта.

Я сказал уже о верности языка действующих лиц; но этого мало: можно быть верным — и скучным; а язык, на котором говорят герои г. Писемского, обладает той бойкостью и оригинальностью, которая так очаровательна в романах господина Вельмана. Количество наивных, забавных, характеристических выражений, подмеченных

¹ Здесь: попустительство (франц.).

автором «Тюфяка», поистине изумительно: у него горничная, кучер, сплетница, гуляка и враль Масуров, разочарованный щеголь Бахтиаров говорят своим особенным слогом, а речи сварливой Перепетуи Петровны так и сверкают оригинальными поговорками. Кто не знает, до какой степени странен язык, на котором объясняются барыни-говоруньи, хватающие свои слова отовсюду, сами изобретающие разные наименования вещам и вследствие неутомимой болтовни налагающие на русскую речь колорит такой же самостоятельный, как тон, придаваемый ей обрусевшими немцами или купцами с Апраксина двора? Такие барыни часто не помнят содержания чужих речей, но, подметивши в них какое-нибудь новое, выразительное слово, тотчас его запоминают, переделывают по-своему и пускают в оборот. Кажется по временам, что русский язык, при всем своем богатстве и обилии слов, не удовлетворяет потребностям неутомимых трещоток: зная кусочки французского языка, они их пускают в дело: они готовы сочинять новые слова, заимствовать их из Алкорана, если б Алкоран был им известен. Иная вещь их *франширует*, иной господин слишком *женерозен*, такое-то семейство *проюрдонилось* до копейки и подняло *алярму* и т. д., и т. д. Перепетуя Петровна г. Писемского — болтуня почти единственная в нашей беллетристике. Она с первого взгляда кажется очень зла, но, взглядевшись в нее, убедившись, что она только болтуня, принесшая в жертву своему языку все хорошие побуждения души и сделавшаяся сварливою, «завистливою и ненавистливою» из страсти к отчаянной болтовне.

При первом чтении «Тюфяк» едва ли понравится многим читателям. В нем мало внешней занимательности, и это я ставлю в вину автору. Беллетристу, как бы талантлив он ни был, незачем бегать от живых сцен, движения, даже таинственности и эффектов: он пишет не для одних дилетантов, уже охлажденных к романам и при чтении занимательного рассказа говорящих: «лучше Монте-Кристо не выдумашь, любезный друг!» Ссылаюсь на всех людей, в молодости своей изведавших наслаждение литературного успеха: что радовало их более — умная печатная похвала всеми уважаемого критика или ободрительная улыбка молоденькой девушки, может быть, только что бросившей музыкальный урок для чтения вашего произведения, — что было ему лестнее после первых дней успеха — приглашение такой-то и такой-то редакции к сотрудничеству или любопытный взгляд человека, по всей вероятности, очень мало читавшего на своем веку? Отбросив эгоизм в сторону, все-таки придется сознаться, что внешняя занимательность — великое дело, способствующее к тому, чтоб произведение читалось быстрее и внимательнее и, может быть, было еще раз перечитано. Поясним слова наши примером: возьмите две тетради английских гравюр, одну из них переплетите великолепно и со вкусом, другую велите обделать в корешок из телячьей кожи и положите обе на стол в гостиной — держу пари, что изящно переплетенный кипсек обойдет всех ваших гостей вдвое скорее, нежели вторая — тетрадь, переплетенная чересчур скромно.

По моему мнению, девизом каждого поэта и беллетриста должны быть слова: «простота подробностей, замысловатость замысла». Внешний или фактический интерес каждого произведения предохраняет его от забвения так же, как соль мешает порче съестных припасов, и хотя сравнивать поэзию с рыбой и говядиной не очень удобно, но в этом случае я не нахожу другого сравнения. Интерес содержания действует подобно печатному указателю редкостей в картинной галерее: руководясь им, читатель через сотню лет остановится над вещью, им отмеченною и, начав чтение из простого любопытства, поневоле будет всматриваться в частности, отдавать всю справедливость их изяществу и естественности. Творения самых отдаленных периодов словесности привлекают наше внимание, если они замысловаты; народная песня, несмотря на всю прелесть отдельных ее отрывков, скучна, если в ней нет содержания, что часто случается с русскими песнями; и сказка не переносит нас в волшебный свой мир, если в ее плане нет чего-нибудь привлекательного.

А. В. Дружинин

**Современные заметки. Письма Иногородного Подписчика в редакцию «Современника»
о русской журналистике. ХХІ**

Впервые: С. 1850. № 12. Отд. VI. С. 198–225. Публикуемый фрагмент — с. 203–207. Без подписи.
Цензурное разрешение — 09.12.1850. Цензор А. Л. Крылов.
Переизд.: *Дружинин*. Т. 6.

Фельетон продолжает разбор «Тюфяка» А. Ф. Писемского, обещанный в предыдущем «Письме» (см. наст. изд., с. 51). Этот отзыв Дружинина стал первым развернутым высказыванием о повести, заложив традицию ее интерпретации. Критик первым указал на типичность образа главного героя, индивидуализированность, оригинальность и верность речевых характеристик персонажей и убедительную психологическую интригу повести. Вместе с тем Дружинин упрекал автора в «избитости» характера Бешметева и в недостатке внешней занимательности сюжета, считая ее обязательным компонентом любого сочинения, к чему Дружинин-беллетрист стремился в своей прозе.

«Современник» поддержал похвалы Дружинина более обстоятельным и концептуальным разбором В. П. Гаевского, который высоко оценил «бойкий и живой» язык повести, наблюдательность автора, его ум и «практический здравый смысл» (С. 1851. № 2. Отд. III. С. 73), особо отметив жизненность и убедительность характеров повести (с. 68). Более сдержанную оценку повести дал А. Д. Галахов в статье «Русская литература в 1850 г.», где, возможно, не без влияния Дружинина, характер Бешметева объявлялся не до конца выдержанным, неестественным в сочетании страсти к науке и неспособности совершить поступок (ОЗ. 1851. № 1. Отд. V. С. 25).

С. 52. *Заговоривши о беллетристике...* — Дружинин и другие критики «Современника» понимали беллестристику как любую фикциональную прозу, безотносительно к ее художественным достоинствам, в отличие от «молодой редакции» «Москвитянина», для которой беллестристика была жестко противопоставлена художественным произведениям (см. вступительную статью к наст. изд., с. 18–19).

С. 52. *...господина разбитного характера, немного приходящегося сродни Ноздреву.* — Дружинин первым из критиков указал на сходство образа Масурова и гоголевского Ноздрева («Мертвые души»).

С. 53. *Автор испортил его ~ что дает Бешметеву вид типа давно избитого.* — Дружинин имеет в виду сходство образа Бешметева с распространенным в прозе 1830–40-х гг. типом слабовольного, непрактичного и несветского молодого человека наподобие Медведя из повести В. А. Соллогуба «Медведь». См. коммент. на с. 584.

С. 53. «Здесь я должен объяснить, что...» — Цитата из XVIII гл. повести.

С. 53. *...язык, в котором говорят герои г. Писемского ~ так очаровательна в романах господина Вельтмана.* — Хотя Дружинин в целом называл романы А. Ф. Вельтмана (1800–1870) «Чудодей» и «Саломею» «лабиринтом невероятных событий» и критиковал за неестественность (Дружинин. Т. 6. С. 196; впервые: С. 1849. № 12), его юмор и язык героев из простонародья вызывал у него симпатии (Там же. С. 272; впервые: С. 1850. № 2). Мнение Дружинина соотносится с оценкой языка персонажей Вельтмана в рецензии В. П. Гаевского, который хвалил его «местами до такой степени верный, так хорошо подслушанный в действительности» язык (С. 1851. № 2. Отд. III. С. 43).

С. 54. *Иная вещь их ф р а п и р у е т ~ и подняло а л я р м у.* — Русифицированные франц. слова. 'Frappet' — ошеломлять, шокировать; 'généreux' — щедрый, великодушный; прокурдониться (от назв. карточной игры юрдон) — прокутить; 'alarme' — тревога.

С. 54. *...лучше Монте-Кристо не выдумаешь...* — «Граф Монте-Кристо» ('Le Comte de Monte-Cristo', 1844–45) А. Дюма (отца) стал образцом приключенческого романа.

С. 54. Кипсек (англ. 'keepsake') — альбом с гравюрами и картинками.